

У Вл. И. Немировича-Данченко

Братья ТУР

Вновь мы в знакомом большом кабинете с темнокрасным плюшем удобных старомодных кресел, с книжным шкафом красного дерева во всю стену, с овальными портретами писателей на фарфоре или на эмали, с высоким изящным бюро американского ореха, заваленным рукописями и книгами.

На стенах—множество фотографий, среди них—пожелтевшие дагерротипы прошлого столетия с надписями, на которых уже выцвели чернила, — малоизвестный снимок Чехова с собачками Хиной и Бромом у колонны Аутской дачи, Ермолова («на память милому Владимиру Ивановичу... Москва, 1897»), Федотова, Южин... Портрет отца Владимира Ивановича, писанный маслом в тридцатых годах прошлого века... На столе—фотография трактористки Папи Ковардак, вырезанная из сегодняшней «Правды» («Очень хорошее лицо. Искреннее»)...

И среди множества уютных, давних, знакомых вещей, которым время придало значительность воспоминаний, навстречу нам поднимается Владимир Иванович, как всегда, приветливый, элегантно, собранный, жизнедеятельный...

Среди вековых заблуждений человечества нет ничего более досадного, чем утверждение, будто старость есть время иссякания творческих сил, время интеллектуального ущерба. Древние не разделяли этой ошибки позднейшего времени, которую не могли рассеять даже титанические примеры Микель-Анджело, Бенвенуто Челлини, Гете, чей творческий расцвет данлся и в преклонном возрасте, Толстого, научившегося, как известно, в восемьдесят лет ездить на велосипеде...

Но особенно взорно это исконное заблуждение, созданное условиями капитализма, выглядит с точки зрения людей нашей страны, где мы слышим юношеские песни десятилетнего Джамбула, где мы видим смелые эксперименты восьмидесятилетнего академика Баха, — страны, где старость символизирует не увядание, но мудрость, сообщаемую опытом.

Не будет преувеличением сказать, что один из крупнейших мастеров современного театра—Владимир Иванович Немирович-Данченко, вступающий скоро в восьмидесятую весну своей жизни,

по праву может почитаться одним из самых молодых деятелей нашего искусства. Не зря сказал кто-то, что годы—это не возраст, а темперамент. И точно, за последние четыре года Владимир Иванович создал свыше десятка театральных постановок, знаменовавших собой события в советском театре. Такой интенсивности творческого темперамента могут позавидовать иные молодые режиссеры, предпочитающие подчас предаваться более «рефлексиям», нежели творческому труду.

Рабочий день Владимира Ивановича упрям и полонен. Счет ведется на минуты. Вот слепок дня мастера, дня, предшествовавшего нашему посещению. После утреннего кофе—чтение газет и журналов. Потом телефонные звонки двух секретарей. Потом репетиция спектакля «Горе от ума», подготовляемого Художественным театром к сорокалетию юбилею. Сразу же после репетиции—еще раз просмотр эскизов к «Достигаеву», которого ставит Леонидов в филлиале. Полчасовая прогулка. Послеобеденный десятиминутный отдых. После отдыха—совместная работа с Хренниковым, Файко и Виртой над либретто «Одиночества». Вечером — в Большом театре на «Броненосце «Потемкине». («Надо за всем уследить. В общем понравилось. Неплохой спектакль»).

И так — каждый день—несколько десятилетий! Какое гигантское многолетнее напластование работы, какой массив труда — эта жизнь! Когда-то Бальзак сказал, что талант, это—терпение. Горький заметил: талант, это—труд. Ближе знакомясь с Владимиром Ивановичем, с его изумительной работоспособностью, начинаешь вдвойне ценить практическую мудрость этих замечаний. Ведь творческий труд это неизменно горение, ведь в два-три часа текущей репетиционной работы Владимир Иванович вкладывает максимум темперамента. Ибо режиссер не должен быть, не может быть вялым,—таково основное правило подлинного искусства, каждодневно провозглашаемое и наглядно подтверждаемое Немировичем-Данченко.

Часы отдыха также, в сущности, заполнены работой. Как нельзя остановить биение сердца, так нельзя прервать мысль художника, вечно ищущего правду своего искусства. «И засыпая, и во сне, и умываясь, и принимая ванну, вечно думаешь все о том же. Мелькают в голове обрывки текстов, построения мизансцен, детали экспозиций, смутные чертежи грядущей конструкции спектакля, приходят, будто неожиданно, маленькие и большие удачи — плод вечных, неустанных, как обращение крови, поисков...» В этом высказанном нам признании старого художника есть трогательная тайна настоящего мастерства, вечно движущегося, никогда не успокаивающегося на достигнутом.

Эту тайну, эту истину Владимир Иванович не устает раскрывать своим питомцам—актерам. Есть те прекрасные часы репетиций, которые, как думает Владимир Иванович, быть может, значительней всей остальной работы в театре. Это — часы интимной работы в кабинете, за столом, когда во вдохновенном общении режиссера с актером раскапывается зерно роли, рождается тончайший рисунок образа, пока еще паутинно-легкий, содержащий лишь намек. Со временем он окрепнет, первоначальная паутина превратится в прочную ткань, но пока еще его можно сдунуть одним неосторожным дыханием, одним чересчур резким жестом. Вот в эти сокровенные минуты рождения образа Владимир Иванович учит актеров изначальной мудрости искусства.

— Сентиментализм и рассудочность, — говорит он, — вот два злейших врага искусства. Сентиментализм — ущемление больших чувств, жалость вместо сострадания, благодушие вместо любви, злость вместо гнева. Рассудочность — искусство силошь головное, сухость диаграммы вместо радости поисков, разговоры о волнении вместо подлинной взволнованности человеческого сердца.

Эти два порока, по мнению Владимира Ивановича, глубоко чужды мужественной простоте социалистического реализма. Стиль мужественной простоты, соответствующей духу сталинской эпохи, — так сформулировал для себя Владимир Иванович высшую правду советского искусства.

Для обретения этой мужественной

Народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко и Алексей Стаханов.

простоты Владимир Иванович полагает нужным прибегать во время репетиции не только к рассказу, но и к показу. По этот показ отнюдь не преследует вульгарной цели заставить актеров в точности перенять внешнюю схему образа, нет! Режиссерский «показ» есть метод донесения до актера тех элементов образа, которые нельзя передать словами. Ведь можно написать целую книгу о том, как благоухает роза, можно сделать отличную копию розы из тончайшего шелка, но все это, вместе взятое, никогда не повторит нам запаха одного полуувядшего лепестка...

В этом умении донести до зрителя самый запах розы — мерило мастерства подлинного артиста. А сад нашей жизни ослепительно богат! К сожалению, драматурги наши, замечает Владимир Иванович, не могут еще передать все богатство красок этого чудесного сада. Странно, — столько талантливых людей, столько талантливых книг есть у нас, а пьес, находящихся на уровне этой талантливости, все еще очень мало. Правда, театр всегда отставал от беллетристики, но все же в нашей стране театр и драматургия получили особенные возможности для расцвета. Ведь подумать только, как прежде жили драматурги, композиторы, люди театра! Островский за одноактную пьесу «Добрый барин» получил тридцать рублей ассигнациями! А почтительность письма Чайковского к его издателю Юргенсону, — какой истошный крик о нужде, идущий от всего исстрадавшего сердца! То ли дело нынче, — наши драматурги имеют все для работы, для радостного творческого бытия.

Говоря о нашей драматургии, Владимир Иванович с теплотой отзывается о драматургическом таланте Алексея Толстого и Всеволода Иванова.

— От них я жду больших пьес.

Вот еще хорошую пьесу написал Леонид Леонов — «Половчанские сады». Люди в ней светлые. Советские, энергичные, жизнедеятельные. Люблю Тревнева. Мастер. Ярок талант Вишневецкого в «Оптимистической трагедии». Ромашов хорошо понял прекрасное искусство Малого театра. Есть драматургический нерв у Вирты. Много интересного делают еще Погодин, Корнейчук, Гусев...

Оценивая актерские индивидуальности, Владимир Иванович радостно говорит об актрисе Зеркаловой из Центрального театра Красной армии.

— Могу смело сказать, что давно так не увлекался артистическим талантом, как глядя Зеркалову в «Мещанах». Чудесное, большое дарование!

Особенно много работает сейчас Владимир Иванович над проблемами музыкального театра, работает каждодневно, практически в театре своего имени, театре, пока кочующем из-за временного отсутствия помещения, но активно работающем, талантливым, многообещающим. Сейчас под руководством Владимира Ивановича поставлена в этом театре «Прекрасная Елена», в которой впервые воскрешена лирика Оффенбаха, этого гения легкой музыки, как его называет Немирович-Данченко. Прелестный спектакль с отличными новыми текстами Зака и Улицкого имел большой успех у зрителей Ленинграда. Надобно скорей показать его москвичам. В данное время театр работает над новой оперой Хренникова «Одиночество», которую ставит В. И. Немирович-Данченко вместе с режиссерами Марковым и Златогоровым. Почему же так много внимания уделяет Владимир Иванович работе в музыкальном театре, придавая ей большое, принципиальное значение? Потому что драматический театр, в особенности МХАТ, проделал колоссальную эволюцию, в то время как

театр оперный находится у колыбели своего развития. Привить методы своей художественной работы музыкальной сцене поставил Владимир Иванович своей важнейшей задачей в последнее время.

О чем мечтает Владимир Иванович? О многом. Во-первых, о том, чтобы поставить Шекспира—«Гамлета», «Макбета» или «Короля Лира». Поставить Шекспира, померяться силами с гигантом, — какой подлинно крупный мастер не мечтает об этом? По ночам Владимир Иванович думает о Гамлете, мысленно одевает своих актеров в мантию короля Лира, размышляет над вариантами сценических решений призрака в «Гамлете». Еще мечтает Владимир Иванович написать четыре книги, уже «заложенные» за письменным столом, — о своем искусстве. И еще — поставить глубокую советскую пьесу, достойную нашего времени...

Приносят почту. Увесистая пачка писем из разных концов страны. Пишут школьники, кружковцы с заводов, молодые актеры из Саранула и Костромы, режиссеры Америки и Европы. Вот и курьез, — американская кинозвезда Лилиан Гип шлет мистеру Данченко поздравление... с рождественскими праздниками!

Владимир Иванович смеется, — старые голливудские знакомства! Как память об американской поездке, в папке на столе лежат портреты заокеанских знаменитостей — драматурга О'Нейли, Долорес дель-Рио, Рамона Наварро, Мери Лиффорд — с почтительными надписями. Причудливые маски, подаренные Мей-Лан-Фанем. Знаки уважения и преклонения перед искусством русского театра, присланные из разных стран.

Восьмидесятилетний мастер склонился над письмом молодой актрисы из Алма-Аты — «Правильно ли я решаю образ Офелии?..» Крупнейший представитель нашего театра множеством нитей связан со всем советским искусством, как связано это искусство с советским народом.

И, глядя на седого мастера, черпающего у этого народа силы для своего нового расцвета, для своей творческой плодотворной молодости, вспоминаешь прекрасные слова старого гуманиста эпохи Возрождения:

— Науки процветают, искусства колдуются, умы пробуждаются — приятно жить в такое время!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

У Вл. И. Немировича-Данченко

Братья ТУР

443
Вновь мы в знакомом большом кабинете с темнокрасным плюшем удобных старомодных кресел, с книжным шкафом красного дерева во всю стену, с овальными портретами писателей на фарфоре или на эмали, с высоким изящным бюро американского ореха, заваленным рукописями и книгами.

На стенах—множество фотографий, среди них—пожелтевшие дагерротипы прошлого столетия с надписями, на которых уже выцвели чернила, — малоизвестный снимок Чехова с собаками Хиной и Бромом у колонны Аутской дачи, Ермолова («на память милому Владимиру Ивановичу... Москва, 1897»), Федотова, Южин... Портрет отца Владимира Ивановича, писанный маслом в тридцатых годах прошлого века... На столе—фотография трактористки Паши Ковардак, вырезанная из сегодняшней «Правды» («Очень хорошее лицо. Искреннее»)...

И среди множества уютных, давних, знакомых вещей, которым время придало значительность воспоминаний, навстречу нам поднимается Владимир Иванович, как всегда, привлекательный, элегантно собранный, жизнедеятельный...

Среди вековых заблуждений человечества нет ничего более досадного, чем утверждение, будто старость есть время иссякания творческих сил, время интеллектуального ущерба. Древние не разделяли этой ошибки позднейшего времени, которую не могли рассеять даже титанические примеры Микель-Анджело, Бенвенуто Челлини, Гете, чей творческий расцвет длился и в преклонном возрасте, Толстого, научившегося, как известно, в восемьдесят лет ездить на велосипеде...

Но особенно вздорно это исконное заблуждение, созданное условиями капитализма, выглядит с точки зрения людей нашей страны, где мы слышим юношеские песни девятинадцатого Джамбула, где мы видим смелые эксперименты восьмидесятилетнего академика Баха, — страны, где старость символизирует не увядание, но мудрость, сообщаемую опытом.

Не будет преувеличением сказать, что один из крупнейших мастеров современного театра—Владимир Иванович Немирович-Данченко, вступающий скоро в восьмидесятую весну своей жизни,

по праву может почитаться одним из самых молодых деятелей нашего искусства. Не зря сказал кто-то, что годы—это не возраст, а темперамент. И точно, за последние четыре года Владимир Иванович создал свыше десятка театральных постановок, знаменовавших собой события в советском театре. Такой интенсивности творческого темперамента могут позавидовать иные молодые режиссеры, предпочитающие подчас предаваться более «рефлексиям», нежели творческому труду.

Рабочий день Владимира Ивановича упрям и полноценен. Счет ведется на минуты. Вот слепок для мастера, дня, предшествовавшего нашему посещению. После утреннего кофе—чтение газет и журналов. Потом телефонные звонки двух секретарей. Потом репетиция спектакля «Горе от ума», подготовляемого Художественным театром к сорокалетию юбилею. Сразу же после репетиции—еще раз просмотр эскизов к «Достигаеву», которого ставит Леонидов в филиале. Полчасовая прогулка. Послеобеденный десятиминутный отдых. После отдыха—совместная работа с Хренниковым, Файко и Виртой над либретто «Одиночества». Вечером—в Большом театре на «Броненосце «Потемкине». («Надо за всем уследить. В общем понравилось. Неплохой спектакль»).

И так—каждый день—несколько десятилетий! Какое гигантское многолетнее напластование работы, какой массив труда—эта жизнь! Когда-то Бальзак сказал, что талант, это—терпение. Горький заметил: талант, это—труд. Ближе знакомясь с Владимиром Ивановичем, с его изумительной работоспособностью, начинаешь в двойне ценить практическую мудрость этих замечаний. Ведь творческий труд это неизменно горение, ведь в два-три часа текущей репетиционной работы Владимир Иванович вкладывает максимум темперамента. Ибо режиссер не должен быть, не может быть вялым,—таково основное правило подлинного искусства, каждодневно провозглашаемое и наглядно подтверждаемое Немировичем-Данченко.

Часы отдыха также, в сущности, заполнены работой. Как нельзя остановить биение сердца, так нельзя прервать мысль художника, вечно ищущего правду своего искусства. «И засыпая, и во сне, и умываясь, и принимая ванну, вечно думаешь все о том же. Мелькают в голове обрывки текстов, построения мизансцен, детали экспозиций, смутные чертежи грядущей конструкции спектакля, приходят, будто неожиданно, маленькие и большие удачи—плод вечных, неустанных, как обращение крови, поисков...» В этом высказанном нам признании старого художника есть трогательная тайна настоящего мастерства, вечно движущегося, никогда не успокаивающегося на достигнутом.

Эту тайну, эту истину Владимир Иванович не устает раскрывать своим питомцам—актерам. Есть те прекрасные часы репетиций, которые, как думает Владимир Иванович, быть может, значительней всей остальной работы в театре. Это—часы интимной работы в кабинете, за столом, когда во вдохновенном общении режиссера с актером раскапывается зерно роли, рождается тончайший рисунок образа, пока еще паутино-легкий, содержащий лишь намек. Со временем он окрепнет, первоначальная паутина превратится в прочную ткань, но пока еще его можно сдунуть одним неосторожным дыханием, одним чересчур резким жестом. Вот в эти сокровенные минуты рождения образа Владимир Иванович учит актеров изначальной мудрости искусства.

— Сентиментализм и рассудочность, — говорит он, — вот два злейших врага искусства. Сентиментализм—ущемление больших чувств, жалость вместо сострадания, благодушие вместо любви, злость вместо гнева. Рассудочность—искусство сплошь головное, сухость диаграммы вместо радости поисков, разговоры о волнении вместо подлинной взволнованности человеческого сердца.

Эти два порока, по мнению Владимира Ивановича, глубоко чужды мужественной простоте социалистического реализма. Стиль мужественной простоты, соответствующей духу сталинской эпохи, — так сформулировал для себя Владимир Иванович высшую правду советского искусства.

Для обретения этой мужественной

Народный артист СССР В. И. Немирович-Данченко и Алексей Стаханов.

простоты Владимир Иванович полагает нужным прибегать во время репетиции не только к рассказу, но и к показу. Но этот показ отнюдь не преследует вульгарной цели заставить актеров в точности перенять внешнюю схему образа, нет! Режиссерский «показ» есть метод донесения до актера тех элементов образа, которые нельзя передать словами. Ведь можно написать целую книгу о том, как благоухает роза, можно сделать отличную копию розы из тончайшего шелка, но все это, вместе взятое, никогда не повторит нам запаха одного полуувядшего лепестка...

В этом умении донести до зрителя самый запах розы—мерило мастерства подлинного артиста. А сад нашей жизни ослепительно богат! К сожалению, драматурги наши, замечает Владимир Иванович, не могут еще передать все богатство красок этого чудесного сада. Странно, — столько талантливых людей, столько талантливых книг есть у нас, а пьес, находящихся на уровне этой талантливости, все еще очень мало. Правда, театр всегда оставал от беллетристики, но все же в нашей стране театр и драматургия получили особенные возможности для расцвета. Ведь подумать только, как прежде жили драматурги, композиторы, люди театра! Островский за одноактную пьесу «Добрый барин» получил тридцать рублей ассигнациями! А прочитай-те письма Чайковского к его издателю Юргенсону,—какой истинный крик о нужде, идущий от всего истрадавшего сердца! То ли дело нынче, — наши драматурги имеют все для работы, для радостного творческого бытия.

Говоря о нашей драматургии, Владимир Иванович с теплотой отзывается о драматургическом таланте Алексея Толстого и Всеволода Иванова.

— От них я жду больших пьес.

Вот еще хорошую пьесу написал Леонид Леонов — «Половчанские сады». Люди в ней светлые. Советские, энергичные, жизнедеятельные. Люблю Третьякова. Мастер. Ярок талант Вишневецкого в «Оптимистической трагедии». Ромашов хорошо понял прекрасное искусство Малого театра. Есть драматургический нерв у Вирты. Много интересного сделают еще Погодин, Корнейчук, Гусев...

Оценивая актерские индивидуальности, Владимир Иванович радостно говорит об актрисе Зеркаловой из Центрального театра Красной армии.

— Могу смело сказать, что давно так не увлекался артистическим талантом, как глядя Зеркаловой в «Мещанах». Чудесное, большое дарование! Особенно много работает сейчас Владимир Иванович над проблемами музыкального театра, работает каждодневно, практически в театре своего имени, театре, пока кочуящем из-за временного отсутствия помещения, но активно работающем, талантливым, многообещающим. Сейчас под руководством Владимира Ивановича поставлена в этом театре «Прекрасная Елена», в которой впервые воскрешена лирика Оффенбаха, этого гения легкой музыки, как его называет Немирович-Данченко. Прелестный спектакль с отличными выходы текстами Зака и Улицкого имел большой успех у зрителей Ленинграда. Надобно скорей показать его москвичам. В данное время театр работает над новой оперой Хренникова «Одиночество», которую ставит В. И. Немирович-Данченко вместе с режиссерами Марковым и Златогоровым. Почему же так много внимания уделяет Владимир Иванович работе в музыкальном театре, придавая ей большое, принципиальное значение? Потому что драматургический театр, в особенности МХАТ, проделал колоссальную эволюцию, в то время как

театр оперный находится у колыбели своего развития. Привить методы своей художественной работы музыкальной сцене поставил Владимир Иванович своей важнейшей задачей в последнее время.

О чем мечтает Владимир Иванович? О многом. Во-первых, о том, чтобы поставить Шекспира—«Гамлета», «Макбета» или «Короля Лира». Поставить Шекспира, померяться силами с гигантом, — какой подлинно крупный мастер не мечтает об этом? По ночам Владимир Иванович думает о Гамлете, мысленно одевает своих актеров в мантию короля Лира, размышляет над вариантами сценических решений призрака в «Гамлете». Еще мечтает Владимир Иванович написать четыре книги, уже «заложенные» за письменным столом, — о своем искусстве. И еще — поставить глубокую советскую пьесу, достойную нашего времени...

Приносят почту. Увесистая пачка писем из разных конюпов страны. Пишут школьники, кружковцы с заводов, молодые актеры из Саратова и Костромы, режиссеры Америки и Европы. Вот и курьез, — американская кинозвезда Лилиан Гиш шлет мистру Данченко поздравление... с рождественскими праздниками!

Владимир Иванович смеется, — старые голливудские знакомства! Как память об американской поездке, в папке на столе лежат портреты заокеанских знаменитостей — драматурга О'Нейля, Доктора дель-Рио, Рамона Наварро, Мери Пикфорд — с почтительными надписями. Причудливые маски, подаренные Мей-Лан-Фанем. Знаки уважения и преклонения перед искусством русского театра, присланные из разных стран.

Восьмидесятилетний мастер склонился над письмом молодой актрисы из Алма-Аты — «Правильно ли я решаю образ Офелии?..» Крупнейший представитель нашего театра множеством нитей связан со всем советским искусством, как связано это искусство с советским народом.

И, глядя на седого мастера, черпающего у этого народа силы для своего нового расцвета, для своей творческой плодотворной молодости, вспоминаешь прекрасные слова старого гуманиста эпохи Возрождения:

— Науки процветают, искусства колдуются, умы пробуждаются, — приятно жить в такое время!

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

ТЕЛЕФОНЫ РЕДАКЦИИ И ИЗД-ВА (Москва, 6, Пушкинская пл.): Справ. бюро (круглые сутки) 2-52-53. Ночная редакция (круглые сутки) 4-17-24. О доставке газеты в срок звонить: 3-90-00 или 5-44-07. Прием обя